В Бретани / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
В Бретани / рассказ В БРЕТАНИ

Июль 1882 года

Вот и пора путешествий, пора ясных дней, когда влечет к новым горизонтам, к широким просторам синего моря, где отдыхает глаз, где успокаивает мысль, к лесистым и свежим долинам, где часто чувствуешь себя растроганным неведомо чем, сидя под вечереющим небом у дороги, на бархатно-зеленом откосе и глядя на отражения заходящего солнца в лужице бурой стоячей воды у самых твоих ног, в колее, вдавленной колесами двуколок.
Я люблю до безумия эти странствия по свету, который как бы заново открываешь, удивляясь нравам, о которых и не подозревал, люблю свою пробудившуюся жадную любознательность, новые виды, радующие глаз, неослабную работу мысли!
Только одно портит мне прелесть исследования незнакомых мест — это чтение путеводителей. Написанные коммивояжерами сих дел, полные пошлых и всегда лживых описаний, неизменно ошибочных справок, чистейшего вымысла в указаниях дороги, все они, за исключением одного превосходного немецкого путеводителя, могут еще, пожалуй, служить утехой лавочникам, предпринимающим увеселительные железнодорожные поездки и знакомящимися со страной по Жоанну, но приводят в отчаяние настоящих туристов, шагающих с мешком на спине и палкой в руке по тропинкам, по оврагам и по берегу моря.
Путеводители лгут, ничего не знают, ничего не понимают и уродуют своей напыщенной и дурацкой прозой самые живописные местности; они осведомлены только о главных проезжих дорогах и, право, стоят так называемых карт генерального штаба, на которых до сих пор не помечены плотины Сены, сооруженные вот уже почти тридцать лет.
А между тем как приятно во время путешествия познакомиться заранее с той местностью, куда направляешься! Какое

удовольствие найти книгу, где какой-нибудь скиталец набросал свои мимолетные впечатления! Это только введение, оно лишь подготовляет вас к знакомству со страной. Но иногда это нечто большее. Когда, путешествуя по Алжиру, углубляешься до оазиса Лагуат, надо ежедневно, ежечасно читать чудесную книгу Фромантена Лето в Сахаре. Она открывает вам глаза, пробуждает мысль, как бы еще ярче освещает эти равнины, эти горы, эти огненные безлюдные пространства, она показывает вам самую душу пустыни.

Во Франции повсюду найдутся уголки, почти неизвестные и очаровательные. Не притязая на составление нового путеводителя, я хотел бы только время от времени рассказать о некоторых коротких экскурсиях, о путешествиях в течение десяти — пятнадцати дней, постоянно совершаемых любителями, но совсем неведомых домоседам.

Никогда не следовать по большим дорогам, а всегда лишь по тропинкам, ночевать в ригах, если вблизи нет гостиницы, питаться хлебом и водой, когда негде найти другой пищи, не бояться ни дождя, ни расстояния, ни долгих часов непрерывной ходьбы — вот что нужно, чтобы познакомиться со страной, проникнуть в самое ее сердце, чтобы обнаружить уже неподалеку от городов, так хорошо знакомых туристам, тысячу вещей, о которых раньше и не подозревал.

Среди старых провинций Франции одна из самых любопытных — это Бретань. Достаточно десяти дней, чтобы ознакомиться с нею, чтобы изучить ее характер; ведь у каждой страны, как и у каждого человека, есть свой собственный характер.

Бросим на нее беглый взгляд. Пройдем хотя бы только из Ванна до Дуарненеза вдоль берега, настоящего бретонского берега, пустынного и плоского, усеянного рифами, где постоянно рокочут волны, точно отвечая на свист ветра в ланде.

Морбиан — нечто вроде внутреннего моря, поднимающегося и опускающегося под действием приливов и отливов в океане, — простирается перед ваннской пристанью. Его надо пересечь, чтобы выйти в открытое море.

На нем множество островов, друидических островов, таинственных, словно посещаемых привидениями. На этих островах

могильные насыпи, менгиры и долмены, все те странные камни, которым поклонялись некогда почти как богам. По словам бретонцев, этих островков столько, сколько дней в году. Морбиан — море, полное символов и суеверий.

И в этом — главное очарование страны; она родина легенд. Старые верования, уже умершие повсюду, продолжают корениться в ее гранитной почве. Старинные сказания тоже сохранились здесь в полной неприкосновенности, и какой-нибудь крестьянин так расскажет вам о событиях, происшедших пятнадцать веков назад, будто они совершились вчера, будто его отец или дед были их очевидцами.

Бывают подземелья, где тело мертвеца сохраняется нетронутым, в том виде, в каком его сковало смерть, и только высыхает оттого, что кровь остановилась в жилах. Так и воспоминания вечно живут в этом уголке Франции, воспоминания и даже образ мыслей предков.

Я вышел из Ванна в самый день прибытия туда, чтобы осмотреть исторический замок Сюсиньо, а оттуда отправиться в Локмарьакер, потом в Карнак и дальше по берегу, в Пон-л’Аббе, Пенмар, на мыс Ра и в Дуарненез.

Дорога шла сначала вдоль Морбиана, потом по бесконечной ланде, изрезанной канавами с водой, без единого дома, без единого деревца, без единого живого существа, сплошь заросшей утесником, который со свистом качался от яростного ветра, гнавшего по небу обрывки как бы стонущих туч.

Потом я прошел через маленькую деревушку, где бродили босиком три грязных крестьянина и девушка лет двадцати с черными от навоза ногами, а дальше — опять лайда, пустынная, голая, болотистая; она тянулась до самого океана, серая полоса которого уходила за горизонт, сверкая кое-где барашками пены. Посреди этих диких просторов возвышались развалины: квадратный замок с башнями по бокам, одинокий между двумя пустынями — морем и ландой.

Старый замок Сюсиньо, построенный в тринадцатом веке, знаменит. Здесь родился великий коннетабль де Ришмон, который отвоевал Францию у англичан.

Ворот уже нет. Я вошел на широкий пустой двор, где лежат кучи

камня от рухнувших башенок. И, подымаясь по остаткам лестниц, взбираясь по развороченным стенам, хватаясь за плющ, за гранитные наполовину вывалившиеся глыбы, за все, что попадалось под руку, я добрался, наконец, до верхушки башни, откуда стал смотреть на Бретань.

Прямо против меня, за невозделанной равниной — океан, мутный, шумящий под черным небом, а всюду кругом — ланда! Далее, направо, Морбиан с его изрезанными берегами, а еще дальше едва видимая белая полоска земли — Ванн, озаренный лучом солнца, не знаю как пробравшимся между тучами. А там, совсем уж далеко, огромный мыс — Киберон!

И все такое грустное, меланхоличное, унылое. Ветер плакал, пробегая по этим мрачным пространствам; я действительно находился в стране призраков; в этих стенах среди низкорослого, свистящего утесника, в этих ямах со стоячей водой, — я чувствовал, — витали легенды.

На следующий день я прошел через Сен-Жильдас, где словно бродит тень Абеляра. В Пор-Навало матрос, перевозивший меня через пролив, рассказывал мне о своем отце-шуане, о старшем брате-шуане, о дяде-священнике, тоже шуане. Все трое погибли… Его вытянутая рука показывала на Киберон.

В Локмарьакере я вступил на родину друидов. Один бретонец показал мне стол Цезаря, гранитное чудище, поддерживаемое колоссами; потом он заговорил со мной о Цезаре, словно о каком-то старике, которого знавал лично.

Продолжая свой путь вдоль берега между ландой и океаном, к вечеру с вершины кургана я увидел перед собой усеянные камнями поля Карнака.

Они казались живыми, эти выстроившиеся нескончаемыми рядами камни, то исполинские, то крошечные, четырехугольные, продолговатые, плоские, похожие на тощие или пузатые тела. Если долго на них смотреть, начинает казаться, что они шевелятся, наклоняются, живут!

Среди них можно заблудиться. Иногда эту гранитную толпу разделяет стена; обойдешь ее, а там опять те же странные фигуры, похожие то на ряды деревьев по бокам аллей, то на солдат в строю, то на страшные привидения.

Сердце начинает биться, вас охватывает волнение, вы уноситесь мысленно в прошлое, предаетесь суеверным настроениям.
Я стоял неподвижно, изумленный и очарованный, как вдруг меня испугал внезапный шум за спиной, и я мгновенно обернулся. Старик, одетый в черное, с книгой под мышкой, поклонившись, сказал мне:
— Так вы, сударь, осматриваете наш Карнак?
Я поделился с ним своим восхищением и признался, что он напугал меня. Он продолжал:
— Здесь, сударь, самый воздух так насыщен поверьями, что все боятся сами не зная чего. Вот уж пять лет, как я произвожу раскопки под этими камнями: почти каждый из них скрывает какую-нибудь тайну, и подчас мне думается, что у них у всех есть душа. Попадая на парижские бульвары, я посмеиваюсь над своей глупостью, но стоит мне вернуться в Карнак, — и я опять верующий; я верую бессознательно, у меня нет определенной религии, но я принимаю их все.
И, ударив ногой о землю, он добавил:
— Религия владеет этой землей. Никогда не надо шутить над угасшими верованиями, ибо ничто не умирает. Мы, сударь, находимся с вами у друидов, будем же уважать их веру.
Солнце опустилось в море, но небо еще хранило красный отблеск, отливавший кровью на больших камнях вокруг нас.
Старик улыбнулся.
— Представьте себе, эти ужасные верования так сильны здесь, что у меня вот на этом самом месте было видение! Да что там — мне явился настоящий призрак! Вот здесь, на этом долмене, однажды вечером, в этот самый час, я ясно увидел волшебницу Коридвен, варившую чудодейственное снадобье.
Я прервал его вопросом, кто такая волшебница Коридвен.
Он возмутился:
— Как, вы не знаете жены бога Гю и матери корриганов?
— Нет, признаюсь. Если это легенда, расскажите мне ее.
Я уселся рядом с ним на менгир.
Он начал:
— У бога Гю, отца друидов, была жена, волшебница Коридвен. Она родила ему троих детей: Мор-Вро, Крейз-Виу, самую прекрасную

на свете девушку, и Аравик-Дю, отвратительнейшее из живых существ.
Коридвен, по материнской любви своей, захотела хоть чем-нибудь одарить этого безобразного сына и решила напоить его зельем, от которого он получит дар прорицания.
Снадобье должно было вариться целый год. Волшебница поручила охрану сосуда с напитком слепому, по имени МордА, и карлику Гвиу.
Когда год подходил к концу, у сторожей ослабело усердие; немного драгоценной влаги пролилось, и три капли упали на палец карлика, который, поднеся его к губам, тут же получил дар провидения. Сосуд тотчас сам собой разбился, а появившаяся Коридвен бросилась на Гвиу, который пустился бежать.
Погоня уже настигала его, и, чтобы бежать быстрее, он обернулся зайцем; но волшебница тотчас превратилась в гончую собаку и понеслась за ним. Она чуть не схватила его на берегу реки, но, обернувшись рыбой, он нырнул в воду. Тогда появилась громадная выдра, которая совсем было нагнала его, так что ему удалось спастись, только превратясь в птицу. Но вот с высоты небес ринулся большой ястреб, раскинул крылья, раскрыл клюв: это была все та же Коридвен, и Гвиу, содрогаясь от страха, упал хлебным зернышком на кучу пшеницы.
Тогда прибежала большая черная курица и проглотила его. Отомщенная Коридвен отдыхала, когда вдруг почувствовала, что будет снова матерью.
Хлебное зерно проросло в ней, и родился ребенок, которого Гю пустил по воде в камышовой люльке. Но ребенок, спасенный сыном короля, Гуидно, стал гением, духом ланды, корриганом. Таким образом, все маленькие сказочные существа, карлики, блуждающие духи, которые водятся в этих камнях, произошли от Коридвен. Говорят, что они живут под землей, в ямках, и по вечерам выходят побегать в утеснике. Посидите здесь подольше, сударь, среди этих зачарованных памятников; всмотритесь попристальней в какой-нибудь лежащий на земле долмен, и скоро вы услышите шорох, увидите, как шевелится камень, и задрожите от страха, разглядев лицо корригана, который смотрит на вас из-под гранитной глыбы, приподняв ее головой. А теперь пойдемте

обедать.
Наступила ночь, безлунная, совершенно черная, наполненная шумом ветра. Протянув руки, я шел ощупью, натыкаясь на высокие камни; выслушанный рассказ, эта местность, мои мысли — все приняло такую сверхъестественную окраску, что я совсем бы не удивился, если бы вдруг какой-нибудь корриган прошмыгнул у меня под ногами.
На другой день я возобновил свой путь через ланды, деревушки и города — Лориен, Кемперле, такой красивый на фоне долины, и Кемпер!
От Кемпера большая дорога идет берегом, пересекает долины, проходит мимо угрюмого, заросшего травой озера и приводит наконец в Пон-л'Аббе, маленький городок, самый что ни на есть бретонский среди всей этой старозаветнобретонской Бретани, которая тянется от Морбиана до мыса Ра.
При входе в город стоит старинный замок с башнями, купающий подножие своих стен в унылом-унылом пруду, над которым летают дикие птицы. Здесь берет начало река, по которой мелкие суденышки могут подыматься до города. По узким улицам с вековыми домами проходят мужчины в громадных широкополых шляпах, в роскошно расшитых жилетах и в четырех куртках, надетых одна на другую: верхняя, величиной с ладонь, едва закрывает лопатки, а нижняя спускается чуть ли не до колен.
У девушек, рослых, красивых, свежих, суконный лиф стягивает стан наподобие лат и так уродует грудь, что и не догадываешься о пышных формах бретонок. На головах у них чрезвычайно странные уборы. Две расшитые пестрые розетки на висках обрамляют лицо и придерживают волосы, которые спущены вниз, а потом подобраны на макушке под своеобразный чепец, нередко затканный золотом и серебром.
Дорога снова выходит из этого маленького позабытого здесь средневекового городка. Она идет через ланду, кое-где поросшую утесником. Там и сям пасутся у дороги три — четыре коровы, всегда вместе с бараном. Вот уже несколько дней вы спрашиваете себя, почему коров непременно сопровождает баран. Этот вопрос надоедливо встает перед вами, донимает вас, становится навязчивой мыслью. Вы ищете человека, который мог бы дать

объяснение. Найти его не просто, так как случается, что, бродя целую неделю по деревням, вы не встретите никого, кто бы знал хоть слово по-французски. Наконец какой-нибудь кюре, идущий размеренным шагом с требником в руках, вежливо объяснит вам, что этот баран является долей, предназначенной для волка.

Баран стоит меньше коровы, а так как схватить его можно, не подвергаясь опасности, волк всегда его и предпочитает. Но часто случается, что храбрые коровы образуют каре вокруг своего невинного товарища и принимают на острые рога воющего зверя, пожелавшего отведать свежатины.

Волк! Здесь вы услышите и о том легендарном волке, которым нас всех пугали в детстве, о белом волке, большом белом волке, которого видел каждый охотник, но никто никогда не убивал.

По утрам его не встречают. Он появляется зимой около пяти часов, на закате солнца, бежит по оголенной вершине холма, скользит длинной тенью на фоне неба и исчезает.

Почему никто не убил его до сих пор? А вот почему. Впрочем, это только догадка. Плотные охотничьи завтраки начинаются около часу дня и кончаются в четыре. Пьют много, толкуют о белом волке. Не мудрено, что, выйдя из-за стола, охотники его нередко видят. И удивительно ли, что его не убивают?

Я шел все вперед по серой, окованной гранитом дороге, блестевшей под лучами солнца. По обеим сторонам плоская, кое-где поросшая утесником равнина. При взгляде на большие повалившиеся камни в памяти оживает воспоминание о друидах, а ветер, дующий понизу, свистит в колючем кустарнике. Иногда земля вздрагивает от глухого шума, как бы от далекого пушечного выстрела: это значит, что я уже близко от Пенмара, где море плещется в гулких пещерах. Обрушиваясь в эти провалы, волны сотрясают весь берег, и в бурную погоду грохот их слышен даже в Кемпере.

Давно уже стала видна широкая полоса серых волн, которые словно высятся над этой низкой и голой местностью. Скалы, груды подводных острых камней, разбивая волны, повсюду высовывают из воды свои черные головы, окруженные кольцом пены и как будто истекающие слюною; а дальше, у самой воды, несколько продрогших домиков стараются укрыться за небольшими

кучами камней от вечного урагана водных просторов и от соленых брызг океана.

Высокий маяк, вздрагивающий на своем скалистом подножии, врезывается в самые волны, и сторожа рассказывают, что иногда, в неспокойные ночи, его высокий гранитный столб качает, как корабль, башенные часы плашмя летят на землю, и все висящие на стенах предметы срываются, падают и разбиваются.

От маяка до Конкета тянется полоса кораблекрушений. Здесь, точно в засаде, притаилась смерть, ужасная морская смерть, Утопительница. Ни один берег не представляет большей опасности, не внушает больших страхов, не пожирает столько человеческих жизней.

В низеньких рыбацких домиках, в грязи, вместе со свиньями, ютятся старуха-мать, взрослые дочери с голыми и грязными ногами и сыновья, из которых старшему не более тридцати. Почти никогда вы не увидите здесь отца, редко — старшего сына. Не спрашивайте, где они, так как старуха протянет руку к бушующему, вздувшемуся морю, точно всегда готовому обрушиться на этот берег.

Не только коварное море пожирает здесь людей. У него есть всемогущий, еще более коварный союзник, который помогает ему каждую ночь в прожорливых поисках человеческого мяса, — алкоголь. Рыбаки знают это, сознаются в этом. «Когда бутылка полна, — говорят они, — видны подводные камни; но когда бутылка опустеет, их больше не видать».

Берег Пенмара страшен. Сюда-то, должно быть, морские разбойники и заманивали сбившиеся с пути корабли: надев корове путы, чтобы она хромала, они прикрепляли к ее рогам фонарь, внушавший обманчивую мысль, будто с этой стороны идет какой-то другой корабль.

А вот, немного правее, скала, получившая известность после ужасающей драмы. Жена одного из последних префектов Морбиана сидела на этом камне, держа на коленях маленькую дочку. Море, в нескольких метрах у ее ног, казалось спокойным, безобидным, спящим.

Вдруг одна из тех странных волн, которые носят название одиночных, поднялась из глубины, бесшумно подкралась, вздулась

хребтом, вползла на утес и, как коварный злодей, унесла обеих, поглотив их в одно мгновение. Таможники, проходившие вдалеке, видели только розовый зонтик, мирно плывущий по морю, уже утихшему, да высокую голую скалу, по которой струилась вода.

В течение года врачи и адвокаты спорили, доказывали, препирались, чтобы определить, кто из двух, мать или ребенок, унесенные волной, умер раньше. Топили кошек с котятами, сук со щенками, крольчих с крольчатами, чтоб устранить всякое сомнение, ибо от этого зависел вопрос о крупном наследстве. Состояние должно было перейти к той или другой семье, в зависимости от того, в маленьком тельце или в теле взрослой женщины предсмертные судороги кончились позднее.

Почти против этого рокового места стоит гранитный холм с крестом, распятие, какие встречаешь на каждом шагу в этом благочестивом крае, где кресты, очень древние, так же многочисленны, как еще более древние долмены. Но это распятие возвышается над удивительным барельефом, изображающим в грубом и смешном виде разрешение девы Марии от бремени. Один приезжий англичанин пришел в восторг от столь наивной скульптуры и велел установить над памятником навес, чтобы предохранить его от непогоды в этом суровом климате.

Далее вы следуете берегом, бесконечным берегом, вдоль всего залива Одьерн. Надо перебраться вброд или вплавь через две небольшие речушки, тащиться по глубокому песку или по залежам сухих водорослей, идти все время между двумя пустынями, одной движущейся, другой неподвижной, между морем и ландой.

Вот и Одьерн, маленькая унылая пристань; ее оживляют только пристающие и отчаливающие лодки, занятые ловлей сардин.

Утром перед уходом вместо обычного кофе с молоком вы завтракаете маленькими свежими рыбками, чуть посыпанными солью, нежными и душистыми, настоящими морскими фиалками. И вы отправляетесь на мыс Ра, этот край света, эту конечную точку Европы.

Вы поднимаетесь все выше и выше и вдруг видите перед собой два моря — налево океан, направо Ла-манш.

Здесь идет беспрестанная борьба, сталкиваются два течения и волны, всегда грозные, опрокидывают корабли, глотают их, как

мелкие конфеты.

О волны, сколько тайн зловещих вам известно!
Вы ниц повергнутых страшите матерей…

На далеко выступающем мысу нет ни единого дерева, ничего, кроме кустиков травы. На самом конце его — два маяка, и вдали на скалах повсюду торчат другие маяки. Один из них никак не удается достроить вот уже десять лет. Ярость моря разрушает упорную работу людей, по мере того, как она подвигается.
Там, напротив, остров Сен, священный остров, глядит на горизонт, туда, где за Брестским рейдом вырастает из воды его опасный товарищ — остров Уэссан.

Уэссан увидать —
Свою кровь проливать, —

говорят матросы. Остров Уэссан самый неприступный из всех бретонских островов, и моряки приближаются к нему с содроганием.
Высокий мыс сразу обрывается, его берег отвесно спускается в море, где бьются друг с другом волны. Но его все же огибает узенькая тропа; то она ползет по наклонным гранитным глыбам, то извивается по их гребню шириной в ладонь.
Вдруг под вами раскрывается ужасная пропасть, по стенам которой, черным, точно вымазанным чернилами, гулко передается ожесточенный шум битвы морей, происходящей внизу, в глубине этой бездны, прозванной Адом.
Хотя я стоял в ста метрах над морем, до меня долетали плевки пены, и, наклонясь над пропастью, я любовался этим бушеванием волн, как бы вздымаемых непонятной яростью.
Это был действительно ад, не описанный ни одним поэтом. И ужас охватывал меня при мысли о людях, которые низвергались туда, которых кидало волнами, кружило водоворотом, втягивало в эту бурю между четырьмя каменными стенами, швыряло на выступ утеса, опять подхватывало прибоем и снова выбрасывало кипучими чудовищными валами.
И я продолжал путь, преследуемый этими образами, измученный

сильным ветром, хлеставшим одинокий мыс.
Минут через двадцать я был в маленькой деревушке. Старый священник, читавший требник под сенью каменной стены, поклонился мне. Я спросил его, где можно переночевать; он предложил мне ночлег у себя.
Час спустя, когда мы сидели вдвоем у порога его дома и говорили об этой унылой стране, наводящей тоску, мимо нас прошел мальчик-бретонец, босой, с развевающимися по ветру длинными белокурыми волосами.
Священник окликнул его на местном наречии, и малыш подошел к нам; вдруг оробев, он потупил глаза и неловко опустил руки.
— Он прочтет нам наизусть духовную песню, — сказал мне священник. — Парнишка одарен большой памятью; надеюсь, из него будет толк.
И ребенок начал лепетать непонятные слова тем жалобным голосом, каким маленькие девочки читают заученные басни. Он говорил, не останавливаясь на точках и запятых, слитно произносил слога, точно весь отрывок состоял из одного бесконечного слова, останавливался на секунду, чтобы перевести дух, и снова принимался быстро и невнятно бормотать.
Вдруг он умолк. Он кончил. Священник ласково потрепал его по щеке.
— Хорошо, ступай.
И мальчуган убежал.
— Он прочел вам старинную духовную песню, сложенную в этой стране, — сказал мой хозяин.
— Старинную песню? — спросил я. — Известна ли она?
— О, нет! Если хотите, я вам ее переведу.
И старик громким голосом, оживляясь, как будто он произносил проповедь, угрожающе подняв руку и отчеканивая слова, прочел эту наивную и прекрасную духовную песню, слова которой я записал под его диктовку:

Бретонская духовная песня

Ад, ад! Знаете ли вы, грешники, что такое ад?

Это печь огненная, где воет пламя, печь, рядом с которой огонь

кузнечного горна, огонь, докрасна раскаляющий печные плиты, не более, как дым!

Там никогда не увидишь света! Огонь пылает невидимо, как лихорадка. Туда никогда не войдет надежда, ибо двери запечатлены божьим гневом.

Пламя над головами вашими, пламя вокруг вас! Вы голодны? Ешьте огонь! Вас мучит жажда? Пейте из этой реки, где расплавлено железо и сера.

Вы будете плакать целую вечность, слезы ваши сольются в целое море, и это море будет для ада ничтожнее капли воды! Ваши слезы лишь будут поддерживать пламя, а не угашать его, и вы почувствуете, как кипит мозг ваших костей.

Потом снимут вам головы с плеч, и все же вы будете жить! Демоны станут играть вашими головами, словно мячом, поджаривать ваши тела на горящих углях, вы почувствуете, как обугливается ваша плоть, и все же будете жить.

И будут там еще иные муки. Вы услышите упреки, проклятия, хулу.

Отец скажет сыну своему: «Будь проклят, сын от плоти моей, ибо это для тебя я собирал богатства хищением!»
И сын ответит: «Будь проклят, проклят, отец мой, ибо это ты вселил в меня гордыню и привел меня сюда».

И дочь скажет матери своей: «Горе тебе тысячу раз, мать моя! Горе тебе, вместилище порока, ибо ты предоставила мне свободу, и я отреклась от бога!»

Мать больше не узнает детей своих, и она ответит: «Да будет проклятье на дочерях моих и на сыновьях моих, проклятье на сыновьях дочерей моих и на дочерях сыновей моих!»

И вопли ее будут раздаваться вечно. И муки ее пребудут без конца. А этот огонь!.. Этот огонь!.. Божий гнев зажег его, этот огонь!.. Он вечно будет гореть, неугасимый, бездымный; не

ослабевая, будет проникать он до глубины ваших костей.

Вечность!.. Горе!.. Никогда не перестанешь умирать, никогда не перестанешь тонуть в океане мучений.

О никогда! — это слово необъятно, как море. О никогда! Сколько в небе воплей, слез и отчаяния. Никогда! Как ты безжалостно! Страх вселяешь ты!
Старик-священник умолк.
— Не правда ли, это ужасно? — спросил он, помолчав.
Издали до нас доносился неумолчный шум волн, остервенело бивших о мрачный скалистый берег. Я вспомнил зловещую ревущую бездну, полную кипящей пены, настоящее пристанище смерти, и чувство, близкое к мистическому страху, от которого содрогаются богомольцы, сдавило мне сердце.
С восходом солнца я отправился дальше, рассчитывая до наступления ночи достигнуть Дуарненеза.
Когда я разыскивал тропинку таможенников, ко мне подошел какой-то человек, говоривший по-французски, — он в течение четырнадцати лет плавал на судах государственного флота, — и мы спустились вместе к бухте Мертвых, ограниченной с одной стороны мысом Ра.
Вид на этот огромный песчаный амфитеатр незабываемо грустен, тревожен, печален; он вселяет в вас непобедимое желание уйти, отправиться дальше. Голая, поросшая мелким утесником долина с мрачным озером, с озером, которое кажется мертвым, прилегает к жуткому песчаному берегу.
Все это выглядит подлинным преддверием адской обители. Желтый песок тянется унылой и ровной полосой до длинного, расположенного напротив Ра гранитного мыса, о который разбиваются бешеные волны.
Издали мы увидели трех мужчин, неподвижно стоящих на песке. Мой спутник казался удивленным, потому что никто никогда не посещает эту мрачную бухту. Но, подойдя ближе, мы увидели, что рядом с ними лежит что-то длинное, будто врытое в прибрежный песок; иногда они наклонялись, дотрагивались до этого предмета и опять выпрямлялись.

Это был мертвец, утопленник, матрос из Дуарненеза, пропавший на прошлой неделе с четырьмя товарищами. С неделю их ждали у этого места, куда течение приносит трупы. Он первым из четырех прибыл на последнее свидание.

Но моего проводника занимало другое; утопленники не редкость в этом краю. Он повел меня к унылому озеру и, предложив наклониться над водой, показал мне стены города Ис. Это были едва различаемые обломки каких-то древних каменных построек. Потом я напился из родника, бежавшего тоненькой струйкой, — по его словам, это была лучшая вода во всем крае. Потом он рассказал мне историю исчезнувшего города, как будто это событие случилось не так давно и произошло по крайней мере на глазах его деда.

У одного доброго и слабохарактерного короля была дочь, порочная и прекрасная, столь прекрасная, что все мужчины, увидав ее, сходили по ней с ума, и столь порочная, что она отдавалась всем, а потом приказывала убивать своих любовников, сбрасывать их в море с вершины соседних скал.

Ее необузданные страсти были, говорят, неистовей бешеных морских волн и неутолимей их. Ее тело было, точно очаг, на котором сгорали души, уносимые потом сатаной.

Бог потерял терпение и открыл свою волю святому старцу, жившему в этой стране. Святой поведал об этом королю; тот не решился наказать и запереть свою любимую дочь, но предупредил ее о божьем гневе. Она оставила его слова без внимания и, наоборот, стала предаваться такому распутству, что весь город, подражая ей, превратился в город слабострастия, откуда были изгнаны всякий стыд и добродетель.

Однажды ночью бог разбудил святого, чтобы возвестить ему о наступившем часе возмездия. Святой поспешил к королю, который один во всей стране оставался добродетельным. Король велел оседлать коня, а другого дал святому, и тот сел на него. Послышался сильный шум, и испуганные всадники увидели море, которое, бушуя и рокоча, все ближе надвигалось на берег. Тогда королевская дочь показалась в своем окошечке, взывая: «Отец мой, ужели вы допустите мою гибель?» И король посадил ее на лошадь позади себя и умчался через одни городские ворота, в то

время как море вливалось в другие.
Они скакали в ночном мраке, но волны догоняли их с ревом и страшным грохотом. Вот уже скользкая пена стала касаться лошадиных копыт, и святой старец сказал королю:
— Государь, сбросьте дочь вашу с седла, иначе вы погибнете.
А дочь кричала:
— Отец, отец, не покидайте меня!
Но святой привстал на стременах, голос его загремел, как гром, и он возвестил:
— Это господняя воля!
Тогда король оттолкнул от себя дочь, которая цеплялась за него, и сбросил ее с крупа коня. Волны тотчас же подхватили ее и затем обратились вспять.
А печальное озеро, в которое погружены эти развалины, — это воды, затопившие некогда оскверненный и разрушенный город.
Эта легенда, как видите, похожа на историю Содома в переделке для дам.
Событие же, о котором говорится точно о случившемся вчера, произошло, кажется, в четвертом веке после рождения Христова.
К вечеру я пришел в Дуарненез.
Это рыбацкий городишко, который был бы самым знаменитым из морских курортов Франции, если бы не его уединенное местоположение.
Что составляет всю красоту и прелесть Дуарненеза, это залив. Город расположен в глубине его и как будто любуется на мягкие волнистые очертания берегов: изгибы их очаровательны, а вдалеке гребни скал тонут в бело-голубых легких и прозрачных туманах, которые наплывают с моря.
На другой день я отправился в Кемпер, а ночевал уже в Бресте, чтобы на рассвете вернуться поездом в Париж.

* * *

Очерк напечатан полностью в «Нувель ревю» 1 января 1884 года. Часть его, под заглавием «Страна корриганов», появилась в «Голуа» 10 декабря 1880 года.

…Сен-Жильдас, где словно бродит тень Абеляра. — Здесь упомянут

знаменитый французский философ и теолог Пьер Абеляр (1079 – 1142), который после осуждения на Суассонском соборе за вольнодумство и ересь был аббатом в бретонском монастыре Сен-Жильдас.

…рука показывала на Киберон. – В 1795 году французские эмигранты собрали небольшую армию и решили высадить ее во Франции, на мысе Киберон, где отсталое бретонское крестьянство («шуаны») под влиянием роялистов и духовенства выступило против Конвента. Войска Конвента, руководимые генералом Гошем, разгромили эмигрантскую армию, едва успевшую высадиться.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994
Перевод Н.Н.Соколовой. Hekaýalar